

вовал человека, от боли и страданий у которого вот-вот разорвётся сердце. То и дело Бунин отмечает это своё состояние: “омертвление головы, сердцебиение, дрожь в отваливающихся от бешенства, от обиды руках и ногах”²⁹; “как никогда раньше страшно плакал”³⁰; “хватал газету прыгающими от волнения руками”, писал “дрожащими, холодными руками”³¹. Жаловался: потерял всякий вкус к жизни. “Я просто погибаю от этой жизни и физически, и душевно. И записываю я, в сущности, чёрт знает что, что попало, как сумасшедший... Да, впрочем, не всё ли равно!”³²

В такие мгновения я злорадно подмечал: “Вот именно: несёшь “чёрт знает что” и “что попало”. Временами, мне кажется, я видел Бунина таким, каким он бывал в те моменты, когда писал “как сумасшедший” — нервного, озлобленного, обиженного и жестокого, ненавидящего всех и вся. Тогда я думал: “Да, Бунин вот такой. А каким бы был ты, окажись в его положении?” И признавался: “Пожалуй, таким же”.

Отринувшись от текста бунинских записей, я не единожды спрашивал себя: “И всё-таки: почему же не бросишь читать?” И отвечал: “Бунин говорит правду, которой ты не знал, и ты хочешь знать эту правду, как ни противно это твоему уму. Но отчего ж “противно”?.. У Бунина своя правда. Да, бунинская правда не вся Правда, не чистая Правда, правда знатных и богатых — “белая” правда, которую Бунин преподносит как истину в последней инстанции, с диким напором и ожесточением. И всё-таки — правда. По-человечески Бунина нельзя не понять. И я сочувствовал и сострадал...

И это совсем другое дело, что существует правда простолюдинов, простонародья, правда бедных и нищих, правда мужицкая, рабочая, правда “черни”, правда “полудикарей”, как говорил Бунин, — правда “красная”. И две эти правды никогда не сольются воедино. “Белая” правда никогда не сможет затмить и отменить другую правду — “красную”. И наоборот.

Две России, две горькие правды эти обречены сосуществовать в человеческом сознании, и не дай Бог сорваться с крючка той или иной! Вот тогда — снова Беда, по поводу которой так страстно и горестно кричал всему миру Бунин, тогда снова — революция... Тут всё зависит от того, кто и как будет управлять страной. Но это — другая тема.

Изучив публицистику Бунина, я подумал, что совсем не случайно он не хотел, чтобы статьи и речи его не печатали после смерти: Бунин-публицист, что ни говори, **ниже Бунина-художника**. Обида, злоба, ненависть, желчь и сарказм по поводу всего и вся, что было связано с новой — революционной и послереволюционной Россией, изумляли Бунина, застилали ему глаза, не позволяли взглянуть на происходившее менее пристрастно, более объективно. И это понятно: он потерял всё, что имел и ценил, чем дорожил, на что надеялся. Осуждать его не вправе никто. И то, что Бунин говорил безудержно, тоже естественно, а для тех, кто пытается понять, что такое Бунин-писатель и Бунин-поэт, крайне важно: публицистика до конца прояснила художественное начало, характер его героев, манеру письма — “холодность”, “отстранённость”, “сарказм”, “надменность”, “консерватизм” и другие подобные изъяны творчества, о которых писали современные ему критики и чего порой невозможно не заметить. И всё же бунинская публицистика, отличная по форме, слову, силе эмоции и страсти, смелости и мужеству говорить то, что хочется сказать, всё-таки проигрывает прозе и стихам его безнадежно...

Можно ли осуществить операцию по отсечению в творчестве Бунина художественного от публицистического? “Физически” это не сделать никак. В публицистике Бунин со всей откровенностью выразил те черты своей природы, которые проглядывались в его поэзии и прозе, но не могли быть объяснены и поняты вполне. Бунин-публицист обнажил их. Теперь можно внести некоторые поправки в понимание сущности этого великого человека и великой личности, достоинства которого как художника в моём представлении ничуть не упали. Гений — это интеллектуальная, психическая аномалия, это необыкновенный человек, и судить о нём обычными способами невозможно.

Вот строки из “Исповеди” Л. Н. Толстого: “Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспоминать об этих годах... Я убивал людей на войне, вызывал на дуэль, чтобы убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков; казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодееяние всех родов, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал...” Страшные признания. Но Толстой остаётся Толстым. Так и Бунин. Великий ху-